

Основано в 1866 г.
РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ПРЕДИСЛОВИЕ

В советской литературе исторический жанр занимал почетное место и всегда был востребован читателями. Книги исторического содержания не стояли на полках библиотек, в книжных магазинах они не залеживались на прилавках. Многие советские писатели отдали дань исторической прозе, создав тысячи романов, повестей и рассказов.

В структуре идеологического воспитания советских людей исторический жанр играл важную роль, формируя их представление о прошлом в рамках марксистско-ленинской концепции. Советская историческая наука утверждала приоритет классовой борьбы, в качестве главных действующих сил истории назывались народные массы, а роль личности определялась ее включенностью в общую борьбу.

Эту схему советские писатели (в разной степени проявленности) воспроизводили в своих произведениях вне зависимости от исторической эпохи, которую они изображали. На первый план выдвинулись герои — выходцы из народа, отстаивающие права и интересы трудового народа, бунтари, подпольщики, революционеры. Как правило, они обладали выдающимися личностными качествами, имели трудную судьбу, а итог их жизни был драматическим, а порой и трагичным. Это были не просто персонажи, а именно герои. Им приходилось не только открыто выступать против гнета правящих классов, но и разяснять окружающим мотивы своего поведения, вести воспитательную, просветительскую работу. Их оппоненты обычно наделялись отрицательными чертами и подвергались авторскому осуждению.

В то же время советскими писателями большое внимание уделялось научной обоснованности описываемых событий, точности изображения среды и нравов, достоверности биографических фактов. В процессе работы проводились настоящие исторические

исследования — с работой с научной литературой, документами, воспоминаниями, с посещением архивов и выездом на места событий, с привлечением специалистов-консультантов. В результате идеологические схемы наполнялись богатым общекультурным содержанием, которое и привлекало в первую очередь читателей.

Но не всегда советским историческим произведениям доставало сюжетной занимательности. Вынужденные идти в русле установленной идеологической концепции, писатели не всегда решались (а в каких-то случаях это было попросту невозможно) придать действию увлекательную интригу, вывести на первый план любовную историю, нарисовать живых, не соответствующих канону персонажей. Это особенно чувствовалось на фоне историко-приключенческих романов А. Дюма, В. Скотта, Ф. Купера, М. Дрюона, А. и С. Голон, всегда остававшихся лидерами читательского интереса и таким образом составлявших серьезную идеологическую конкуренцию.

Именно поэтому к концу советской эпохи в историческом жанре стали обозначаться новые тенденции, связанные со стремлением писателей вырваться из сложившихся правил и предписаний. Это в первую очередь сказалось на обращении ко временам и эпохам, в которых классовая борьба не носила ярко выявленного характера, а события чаще подчинялись воле и решениям отдельных личностей. Появилось больше свободы в выборе героев и действующих лиц, ушла одномерность характеров, научность отошла на второй план, уступив место психологической и жизненной типичности. История часто становилась скорее декоративным фоном, чем собственно предметом изображения. Наиболее полно эта тенденция проявилась в произведениях Валентина Пикуля, Валентина Иванова, Дмитрия Балашова, которые тут же стали бестселлерами, или, на языке советских людей, «дефицитными». Через несколько десятилетий на их почве возрастут жанры исторического фэнтези и альтернативной истории.

В 1970—1980-е годы временной диапазон советской исторической прозы охватывал уже всю тысячелетнюю историю России — от языческой Руси до последних дней династии Романовых. Одновременно в литературе шел процесс осмысления глобальных исторических событий XX века.

Сложился свой жанр произведений о революции и Гражданской войне. Мощно заявила о себе литература о Великой Отечественной войне. Идеологическая ангажированность этих ветвей советской

исторической прозы была еще более отчетливой и откровенной, в результате чего многие острые и неоднозначные события, эпизоды, лица или представляли в искаженном виде, либо вовсе игнорировались.

От писателей требовалось много гражданского мужества, чтобы взяться за честное описание пережитого страной и народом в XX веке. И все же такие произведения создавались. Достаточно назвать имена Василия Гроссмана, Александра Солженицына, Юрия Трифонова, Валентина Катаева, Анатолия Рыбакова, Владимира Дудинцева, Бориса Можаева, Сергея Залыгина, Александра Зиновьева. Не всегда их книги своевременно доходили до читателя. Что-то печаталось за границей, что-то оставалось лежать в письменном столе в расчете на будущее. В настоящий том включены произведения именно этой группы. Они расположены в хронологии представленных в них исторических событий: от Первой мировой войны до XX съезда КПСС и так называемой «оттепели».

Дистанция между временем создания произведения и временем описываемых в них событий здесь не столь велика, как в случаях, когда писатели обращаются к эпохам исторически удаленным. Практически она равна жизни одного человека. Именно поэтому наиболее распространенной сюжетной схемой становится ретроспективный показ событий, данный глазами их участника, вспоминающего на старости лет свою юность.

Этот композиционный прием был блистательно освоен Пушкиным в первом русском историческом романе «Капитанская дочка», написанном от лица Петра Андреевича Гринева, который на склоне лет вспоминает о том, как в начале жизненного пути он попал в водоворот народного бунта под руководством Емельяна Пугачева. Его рассказ не только свидетельство, но и урок. Неслучайно роману предшествует эпиграф: «Береги честь смолоду». Эти слова могли бы стать эпиграфом и к произведениям, собранным в этом томе.

«Юношеский роман моего старого друга Саши Пчелкина, рассказанный им самим» Валентина Катаева — одно из немногих в советской литературе XX века произведений, посвященных событиям Первой мировой войны. В основу сюжета положены автобиографические события: не окончив гимназию, в 1915 году Катаев вступил добровольцем-вольноопределяющимся в действующую армию, начал службу под Сморгонью рядовым на артиллерийской батарее, затем был произведен в прапорщики, дважды ранен и отравлен

газами, в декабре 1916 года был принят в Одесское военное училище, перейдя из артиллерии в пехоту.

В романе объемно описан окопный быт и боевые эпизоды из жизни артиллеристов, характер отношений между солдатами и офицерами, умонастроения и чувства русских воинов, представлена галерея колоритных характеров и судеб. В то же время судьба главного героя осмысливается в экзистенциальном аспекте, что придает роману философскую глубину и масштабность. Центральным становится вопрос о выборе человеком жизненного пути, его осмысленности и случайности.

Не менее важным является метафизический конфликт, вызванный утратой веры и потерей ценностных ориентиров. Противостояние жизни и смерти на войне и мера ответственности человека за преступления, на которые неизбежно обречен каждый участник военных действий, исследуются Катаевым с обостренной открытостью. Свои вполне однозначные оценки пережитого Катаев, избегая прямых публицистических высказываний, выражает в незабываемых образах, полных трагизма и гуманистического пафоса.

На исходе своей жизни, Катаев не столько подводит ее итоги, сколько стремится найти в ней тот поворотный пункт, когда в неокрепшей душе недоучившегося гимназиста, полной романтики и любви, происходит необратимая перемена мировосприятия, и он превращается в человека с утраченными иллюзиями и идеалами. «Юношеский роман» — попытка духовной исповеди и беспристрастной оценки поступков, совершенных в начале жизненного пути и во многом определивших дальнейшую жизнь. Одновременно роман является выразительным свидетельством одного из важнейших событий русской истории XX века, оказавшемся в силу обстоятельств практически вне поля зрения отечественной литературы.

Роман Даниила Гранина «Мой лейтенант» можно было бы отнести к литературе о Великой Отечественной войне, так называемой «лейтенантской прозе», однако заложенная в его основу типологическая композиция «Капитанской дочки» дает основания рассматривать его именно как произведение исторического жанра. Роман написан на автобиографическом материале. В то же время это не мемуарная книга. Писатель намеренно дистанцируется от своего героя.

В задачу Гранина входит не только правдивый рассказ о первых днях войны, о стремительном наступлении немцев на Ленинград, о неподготовленности Советской армии и командования к оборонительным действиям, об отступлении, о боевом опыте, который стремительно накапливался и помогал выживать и побеждать. В центре внимания Гранина, в первую очередь, история становления личности молодого человека, обретения им опыта противостояния судьбе и ее вызовам.

В этом смысле не менее значимой для раскрытия характера героя является третья часть романа, посвященная первым послевоенным годам, когда возвращение к мирной жизни оказывается трудным экзаменом для человека, привыкшего жить в экстремальных обстоятельствах войны — здесь и сейчас, «у бездны на краю».

Роман насыщен многочисленными фактами и деталями, картинками, лицами, характерами. Герой-повествователь, умудренный годами девяностолетний старик, смотрит на себя юного, еще ничего не знающего о будущем, стремящегося выжить, выбраться из ужаса войны, смотрит порой с удивлением, порой с иронией. Он не хвалит и осуждает себя/его — он свидетельствует. В романе «Мой лейтенант» Гранин беспристрастно рисует, какой ценой добывается жизнь. И не выносит приговора.

Для художественного мышления Василия Гроссмана, создавшего эпопею о Сталинградской битве «Жизнь и судьба», всегда была свойственна широта исторического обобщения описываемых событий. Повесть «Все течет», написанная им в конце жизни, стала итогом его размышлений о судьбе России в XX веке, о природе русской революции и пришедшей вслед за тем тирании Сталина. При небольшом объеме, повесть поражает своей масштабностью и глубиной анализа. В судьбах своих героев Гроссман достигает символического уровня обобщения, придавая им трагическую монументальность и скорбную выразительность.

Наряду с ними в повести присутствуют развернутые историко-философские размышления (и здесь Гроссман следует традиции исторической прозы Льва Толстого) о природе сталинизма и Советского государства. Впервые в советской литературе жесткой критике подвергается личность Ленина. Одновременно Гроссман вступает в публицистическую полемику с историко-философскими взглядами Чадаева и Достоевского.

Повесть замечательна своим пафосом свободы, который воплощен не только в выраженных в ней мыслях, но и в самом отношении автора к своему предмету — без оглядки не только на цензуру, о которой Гроссман, похоже, даже и не думал, но и без оглядки на любые авторитеты, какими бы властными они ни были. В повести звучит голос свободного человека, освобожденного, освободившегося. И этот голос, может быть, важнее, чем все остальное.

«Все течет» — один из первых опытов художественного осмысления в отечественной литературе трагических событий 1930-х годов.

Роман Александра Зиновьева «Нашей юности полет» выделяется из всех собранных в этот том сочинений и по форме, и по способу подачи материала. Он имеет жанровый подзаголовок «литературно-социологический очерк сталинизма». Тем не менее, это художественное повествование особого типа. Сам Зиновьев назвал его «социологическим романом». Книга включает в себя исторический очерк, романное повествование, стихотворные отступления, сатирические зарисовки, философский диалог. Такая сложная литературная инструментовка сюжета сложилась у Зиновьева еще в предыдущих его произведениях и нацелена на объемное представление масштабных социальных сущностей, описание и анализ которых были для него главным предметом рефлексии.

В романе «Нашей юности полет» Зиновьев исследует феномен сталинизма как нового типа социальной организации людей, сложившийся в результате Октябрьской революции. В понимании Зиновьева, сталинизм не есть проявление диктатуры определенной исторической личности, а сложный комплекс общественных, экономических, идеологических, политических взаимоотношений, находящийся в постоянном движении и развитии, стремящийся к самоорганизации и системности. Процесс этот не является линейным, он имеет свои законы, которые часто скрыты от поверхностного наблюдения. Они носят фундаментальный характер и требуют объективного осмысления, которое возможно только в результате синтеза научного и художественного подходов к действительности.

Задача, которую ставил перед собою Зиновьев, работая над книгой «Нашей юности полет», была нетривиальна для его времени,

когда фокус общественного внимания в разговорах о сталинизме был сосредоточен исключительно на фактах политических и экономических репрессий. Однако и сегодня, когда историческая наука гораздо шире и полноценнее судит об эпохе Сталина, книга Зиновьева сохраняет свою интеллектуальную значимость и уникальность.

Александр Солженицын — исторический писатель по самой сути своего дарования. В течение нескольких десятилетий создавал он могучую монументальную эпопею «Красное колесо», посвященную событиям Первой мировой войны и Революции. Он умеет передавать события прошлого в их событийной достоверности и психологической убедительности. Каждый исторический факт предварительно тщательно изучен и внутренне пережит. Каждая оценка продумана и взвешена. В то же время сюжет насыщен динамикой и напряженностью, интересен и увлекателен.

В многослойной структуре «Красного колеса» Солженицын предстал мастером организации разнообразного по характеру, значимости и качеству материала. Вглядываясь в историю страны, в историю революции, Солженицын выявляет те точки, в которых события складывались роковым образом и предопределяли будущность. Он называет их «узлами». В «Красном колесе» «узлы» выполняют идейно-композиционную функцию. Вокруг них располагаются исторические, хроникальные, мемуарные, публицистические и фольклорные свидетельства. Ими определяется и существование вымышленных героев.

Включенные в том «двучастные рассказы» «Молодня», «Абрикосовое варенье» и «На краях», написаны в последние годы жизни писателя и впитали в себя весь опыт его многолетнего труда. «Двучастными» были и некоторые рассказы Солженицына 1960-х годов. В отличие о них, рассказы 1990-х годов значительно масштабнее по охвату событий, чувствуется привычка писателя к работе с крупными отрезками времени, его неугасаемый интерес к исторической теме в ее самых разнообразных вариантах. Заявленный в жанровом определении композиционный прием Солженицын использует с максимальным эффектом. Параллели, следствия, контрасты, отражения и умножения создают поле сильного художественного напряжения, в котором рождается ток духовного электричества.

Разнообразная по тематике русская историческая проза XX века — именно в произведениях, посвященных событиям этого века — века глобальных цивилизационных потрясений, в которых России выпала решающая историческая роль, достигла своих вершин и вышла за пределы сугубо жанровой литературы, составив *смысловое ядро национальной литературы*.

Павел Фокин

**ЮНОШЕСКИЙ РОМАН
МОЕГО СТАРОГО ДРУГА САШИ ПЧЕЛКИНА,
РАССКАЗАННЫЙ ИМ САМИМ**

Я стоял в передней, уже окончательно откланявшись, но Миньона все еще одной рукой держала цепочку и не открывала дверь, чтобы наконец выпустить меня на лестницу, а другой рукой прижимала к груди пачку моих писем, накрест перевязанных не шелковой ленточкой, а простой тесемкой, как деловые бумаги.

Это было последнее свидание.

Наш платонический роман давным-давно уже кончился и был забыт. А за пять лет революции, Гражданской войны и военного коммунизма, в течение которых мы не виделись, так много переменялось, что не стоило об этом и вспоминать.

Я знал, что после меня у нее был настоящий, глубокий, серьезный роман с одним из моих бывших гимназических товарищей, принужденным бежать вместе с белыми за границу, где он и умер от скоротечной чахотки в Шварцвальде¹.

У Миньоны с детских лет тоже были слабые легкие, а теперь у нее открылся туберкулез и принял угрожающие формы. На ее все еще прелестном лице уже лежали тени быстро развивающейся болезни.

— Вы же видите, что я погибаю! — почти с раздражением сказала она.

Я молчал. Лицо ее стало отчужденным: вероятно, она в этот миг подумала о смерти.

— Возьмите ваши письма. Может быть, они вам пригодятся.

Она сняла дверную цепочку, щелкнула американским замком и выпустила меня на площадку. Гул, наполнивший лестничную

---

¹ Горный массив в земле Баден-Вюртемберг на юго-западе Германии.

клетку, и в особенности бледно-зеленый декадентский цвет двери напомнили мне прошлое.

Сравнительно недавно мы тоже жили здесь.

Большая квартира в новом четырехэтажном корпусе.

Вместо цинковой ванны — блестящая мальцевская¹. Всегда горячая вода. Электрическое освещение. Блестящие паркетные полы, источавшие запах свежего дуба и желтой мастики. Двери и венецианские окна были окрашены не обычной уныло-коричневой блестящей краской наемных квартир, а бледно-зеленой, матовой, свойственной новому стилю бельэпок², то есть прекрасной эпохе начала XX века. Вместо кафельных печей квартиру обогревали коленчатые радиаторы пароводяного отопления, окрашенные в тот же бледно-зеленый матовый декадентский цвет. Старая висючая керосиновая лампа в столовой, несколько напоминавшая своим белым куполом медузу, была переделана на электрическую. А новенькие бронзовые бра на стенах очень ярко светились своими молочно-радужными тюльпанами с ввинченными в них полуваттными электрическими лампочками марки «осрам»³, что никак не соответствовало маленькому провинциальному буфетику, круглому обеденному столу, венским стульям и железным кроватям. Стенные часы с римскими цифрами и музыкально-пружинным боем, согласно семейной легенде выигранные папой в лотерею, когда он еще был женихом покойной мамы, тоже не соответствовали новой квартире.

Купленный недавно в рассрочку гостиный гарнитур из обычной сосны, но выкрашенный под черное дерево, с двумя неудобными креслами, хрупким трехместным диванчиком, обитым золотистым шелком, с махровыми висюльками и парными тумбочками в виде как бы дорических колонок, предназначавшимися для установки на них мраморных бюстов великих людей или, на худой конец,

---

¹ Чугунная эмалированная ванна производства Мальцовского чугунолитейного завода.

² Belle Époque (Прекрасная эпоха) — условное обозначение периода европейской (в первую очередь французской и бельгийской) истории между семидесятью годами XIX века и 1914 годом.

³ 17 апреля 1906 года компания Auer-Gesellschaft AG зарегистрировала в Берлине торговую марку OSRAM как знак «электрической лампы накаливания и дуговой лампы».

фаянсовых цветочных горшков, которых у нас не водилось, — это все же как-то подходило к новой, богатой, но еще не обжитой квартире.

Гостиная мебель всегда стояла в холщовых чехлах, скрывавших ее роскошь, причем кресла и стулья напоминали нечто вроде сидящих привидений.

Именно в это время я начал писать роман о своей первой любви. Стихи и романы в те годы писали почти все гимназисты. В романе, который я писал, было такое место:

«... дом был новый. Его отстроили полгода назад, осенью, и он был первым из шести других корпусов общества квартировладельцев, которые еще строились и стояли в лесах, запачканных кирпичной пылью и потеками известки. Корпуса эти строились на пустыре, на окраине города, против военного госпиталя, где некогда работал сам Пирогов¹, недалеко от моря, в той местности, где уже начинались дачи и казармы.

Поздней осенью и зимой здесь было холодно, пустынно, и северный ветер норд-ост дул в желтые, еще не оштукатуренные ракушниковые стены, посвистывая и вереща в новых кирпичных трубах, а с нашего четвертого этажа через неоконченные постройки, за голыми садами еле виднелся кусочек штормового моря.

Когда же наваливало ненадежного южного снега, то и совсем становилось скучно. Знакомых поблизости не было. Город казался недоступно далеким. В новой квартире еще не было уюта. Электрические лампочки горели нестерпимо ярко. Веселых жарких печек не было, их заменили чугунные батареи, и всюду стоял еще не выветрившийся запах масляной краски»...

Шесть корпусов, расположенных, как кости домино, — два против двух и по краям поперек еще по одному, так что в середине между ними получился длинный двор с газонами, цветниками, стриженным кустарником, совсем молоденькими, как тросточки, липками и посредине с круглым бассейном с фонтанчиком и даже золотыми рыбками.

---

¹ Пирогов Николай Иванович (1810—1881), русский хирург и ученый-анатом, естествоиспытатель и педагог, основоположник русской военно-полевой хирургии, основатель русской школы анестезии.